

Мюнхгаузен — дитя России

22 февраля 2017 года исполнилось ровно 220 лет,
как ушёл из жизни знаменитый барон Иероним Карл Фридрих фон Мюнхгаузен

Всемирная слава непревзойдённого выдумщика такова, что, пожалуй, не стоит и задавать вопрос: кто его не знает? Вот и я считал, что достаточно хорошо знаком с героем любимых детских книжек. Более того, ещё в 1985 году, оказавшись в Германии и проехав по родной земле Мюнхгаузена, я вдруг подумал: а не продолжить ли мне сочинения Рудольфа Распе и Августа Бюргера, устроив неумному фантазёру путешествие в мою родную Якутию? Тем более, что уж в наших краях, полных экстрима и мифов, ему будет и с кем скрестить шпагу, и с кем раскурить трубку, начиная со знаменитых шаманов, свирепых морозов, таинственного чудовища озера Лабынкыр, и заканчивая мистическим снежным человеком-чучуной и ожившими мамонтами...

Прошло пару лет, и я действительно засел за повесть «Приключения барона Мюнхгаузена на Полюсе холода». Естественно, начиная работать над ней, я постарался собрать дополнительные сведения о главном герое и о старинном поместье, где жил реальный Мюнхгаузен, хотя в те годы такой информации в нашей стране было очень мало, а интернета ещё не существовало. Тем не менее, именно оттуда, с дневника барона, якобы обнаруженного мною на чердаке его родового гнезда в Боденвердере, я начал своё повествование. Придуманной истории затем одна за другой вышли в детских журналах, прозвучали на радио и даже были переведены на якутский и английский языки. Можно сказать, что с той поры Иероним Карл Фридрих барон фон Мюнхгаузен стал для меня литературным родственником, и его портрет обрёл постоянное место в моём рабочем кабинете. И лишь значительно позже, из публикации «Совершенно секретно», а потом и из других открывшихся источников, я обнаружил, что, оказывается, не знал многих интересных деталей биографии Мюнхгаузена, который, по сути своей, был порождением нашей России, её дитём...

Владимир ФЁДОРОВ

Корнет Иероним, налейте вина

Говорят, родиться в мае — весь век маяться. Так это или нет, но именно 11 мая 1720 года в упомянутом имении появился на свет пятым сыном Отто фон Мюнхгаузена будущий Иероним, он же Карл, он же Фридрих — наследник, увы, уже обедневший, знаменитого древнего рода, основатель которого рыцарь Хейно ещё в XII веке состоял при императоре Фридрихе Барбароссе во время похода на Палестину. Видимо, на его и более поздние трофеи воинственных потомков и было заведено несколько родовых имений над рекой Везер. Но эта воинственность привела в конце концов к фактически полному уничтожению рода по мужской линии. И чтобы как-то его продолжить был отозван назад «в мир» некогда удалившийся в монастырь единственный и последний из потомков Хейно. Тогда-то и прозвучала впервые новая фамилия Мюнхгаузен, что в переводе означало «Дом монаха», и появился соответствующий ей герб.

На долю подростка Иеронима Карла уже не хватило великих битв — в одном из мини-государств тогдашней раздробленной Германии все события тоже были мини. И хотя его овдовевшей матери стоило больших трудов определить 15-летнего сына на место пажа при дворе его тёзки герцога Карла I Брауншвейгского, потомку воинов и авантюристов, судя по всему, довольно быстро наскучила такая служба. И когда через пару лет у Мюнхгаузена появилась неожиданная возможность отправиться в далёкую и таинственную страну снегов, медведей и опасностей, он тут же дал согласие. Это, конечно же, вызвало недоумение более состоятельных и изнеженных сверстников, среди которых долго не находилось охотников составить ему компанию и последовать в неведомую «дикость», коей им по собственной недалёкости представлялась Россия. К тому же эта страна в последние десятилетия почти постоянно с кем-то воевала, а на войне, как известно, могут и убить. Собственно, этим обстоятельством и была вызвана отправка в русскую неизвестность двух новых пажей. Итак, ко двору Анны Иоанновны в Санкт-Петербург для прислуживания младшему брату герцога Карла — принцу Антону Ульриху Брауншвейгскому в конце концов отправились два юных фон-барона — добровольцы Мюнхгаузен и Хойм.

Сразу скажем, что второй паж как-то бесследно растворился в истории, ну а Мюнхгаузен...

Так какие же обстоятельства направили его в Петербург? Дело в том, что ещё в 1733 году российская императрица, делавшая ставку на всё немецкое, пригласила упомянутого принца в качестве жениха для своей племянницы Анны Леопольдовны, чтобы, создав брачный союз «настоящих королевских кровей», получить наследника и завещать ему престол, оттеснив «неполноценных» потомков Петра I и «армейской прачки» Екатерины. Антон Брауншвейгский хоть и не приглянулся своей невесте Анне, но, судя по всему, оказался не только знатным и блестяще образованным, но и храбрым молодым человеком. Не добившись особых успехов на любовном фронте, он отправился в 1737 году на Русско-турецкую войну под командованием фельдмаршала Миниха. При знаменитом штурме Очакова, когда в один из моментов атака русских почти захлебнулась, лишь принц и его пажи первыми бросились вслед за самим фельдмаршалом на крепостной ров. В итоге Антон Ульрих отделался убитой лошадей и простреленным кафтаном, а вот оба его пажа погибли. Им и потребовалась замена.

Для прибывшего в северную столицу в конце декабря 1737 года Иеронима Карла русские снега и морозы и впрямь продемонстрировали суровый нрав и послужили реальной основой для будущих фантазий, зато блеск и размах царского двора, дворцы и приёмы сиятельных вельмож тут же развеяли мифы о «дикости». Юный паж получил возможность окунуться во всё это следом за своим господином. А вскоре они вместе отправились в новый поход против турок. Увы, на этот раз кампания оказалась не столь впечатляющей — враг уходил от боевых столкновений, в русской армии началась эпидемия, и после нескольких незначительных сражений ей пришлось вернуться восвояси. Настоящие подвиги, видимо, происходили только в голове Мюнхгаузена, породив, в частности, и его знаменитый разведывательный полёт на ядре над турецкими позициями.

Будучи, как мы упомянули, образованным аристократом и смелым воином, принц Антон Ульрих оказался, увы, отнюдь не умельцем выстраивания амурных отношений и разгадывания дворцовых интриг. И потому процесс женитьбы, намеченный царственной тётюшкой невесты, стал неминуемо затягиваться. В

итоге, устав от участия в бесконечном сватовстве и в охотку нюхнув пороха в походе против турок, юный Мюнхгаузен стал просить своего господина отпустить его на военную службу. Принц долго не давал согласия, но потом всё же подписал прошение. Так в 1739 году потомок немецких рыцарей стал корнетом Брауншвейгского кирасирского полка русской армии, созданного специально под принца Антона Ульриха и квартировавшего под Ригой.

Не падайте духом, поручик Карл Фридрих

Рассказывая дальше о Мюнхгаузене, надо разрушить ещё один стереотип. Так уж получилось, что с подачи упомянутых писателей, а особенно никогда не видевшего живого барона иллюстратора первых книг Гюстава Доре, он представляется нам тщедушным и невзрачным горбоносым сочинителем, всесильным только в своих выдуманных историях. На самом же деле в кирасиры брали лишь редких молодых, выделявшихся ростом и силой. По сути, это был спецназ того времени. Название только что появившихся гвардейских подразделений происходило от «кирасы» — предшественницы нынешнего бронжилета, отлитой из стали, что вместе с металлическим шлемом надёжно защищала всадника на мощном коне особой породы. Оружием такого кавалериста был длинный тяжёлый палаш, как соломинки перерубавший шпаги и сабли, да ещё и парочка притороченных к седлу пистолетов. Как писали историки, «удара русских кирасир не мог выдержать никто». И вот, попав в такую военную элиту, Мюнхгаузен настолько быстро нашёл в ней своё место, заслужил авторитет у начальства и подчинённых, что уже через год (не без протекции, конечно, принца Антона) был произведён в поручики, «обойдя двенадцать других корнетов». Более того, он стал командиром первой лейб-роты — особой по статусу, открывающей все шествия и парады.

Но, увы, война с турками закончилась, в шведской кампании 1741 года рижских кирасиров не задействовали, а потому возможности быстро продвигаться по службе барону не представлялось. Можно было бы, конечно, и далее надеяться на покровительство принца Антона, ставшего наконец-то мужем Анны Леопольдовны, генералиссимусом и отцом народившегося наследника престола Ивана III, но в это время, как известно, последовали один за другим два дворцовых переворота и в итоге в 1741 году дочь Петра I Елизавета с помощью Преображенского полка свергла с трона «Брауншвейгскую фамилию» и отравила августейшую чету со всей роднёй и челядью сначала в казематы Рижского замка, а затем в ссылку в Архангельскую губернию. По иронии судьбы, Мюнхгаузен, служивший в это время в Риге, вы-

нужден был отвечать за караул у тюремной камеры своего бывшего покровителя. Репрессии не коснулись его самого только потому, что он в последние годы не так часто и тесно общался с принцем. Но в опалу ни в чём не повинный Иероним Карл всё же попал — очередной чин ротмистра он получил только через десять лет.

Ротмистр Мюнхгаузен, может, вернёмся?..

После такого «звоночка», Мюнхгаузен понял, что ему, увы, сделать блестящую карьеру в русской армии не суждено. Но тем не менее продолжал честно и достойно нести службу. В 1744 году, когда принцесса Софья Августа, будущая Екатерина Великая, и её мать, княгиня Елизавета Анхальт-Цербстская, пересекали границу России, их встречал почётный караул кирасиров во главе со статным командиром фон Мюнхгаузеном. Княгиня тогда записала в своём дневнике: «Я очень хвалила виденный мною кирасирский полк, который действительно чрезвычайно красив...». Ласково помахала из кареты ручкой и принцесса. Кабы знал Мюнхгаузен о том, как равнодушно впоследствии будет государыня Екатерина к гвардейским офицерам и какие на этой монаршей слабости будут «заслужены» чины и ордена... Но он, вернув роту в казарму, вскорости направил своего коня не в Петербург, а в окрестности Риги, куда барона пригласил на охоту знакомый дворянин фон Дунтен. Охота вышла прекрасной, но ещё более восхитительной оказалась дочь фон Дунтена Якобина. И в этот же счастливый для него год Мюнхгаузен женился.

Став семейным человеком, он взял долгосрочный отпуск и уехал в Германию, чтобы заодно разобраться с братьями в делах по наследству. На эту проблему не хватило целого года: два поместья никак не делились на троих. Но и бесперспективная служба уже не манила. И барон официально продлил отпуск на год, а затем самовольно протянул ещё двенадцать месяцев. А тут как на грех грянула проверка, и следом же вышел суровый приказ — отчислить за «самоволку» барона Мюнхгаузена из российской армии «с сего 1754 года».

К тому времени один из братьев погиб на войне, и имения разделились сами собой — по брошенному жребью. Нашему герою досталось местечко Боденвердер со старинным домом, лесами и полями. Детей Мюнхгаузена и его Якобине Бог не дал, хозяйственный пыл его быстро иссяк, и единственной радостью и развлечением осталась привнесённая из России страсть — охота в хорошей компании.

Ах, русское солнце, великое солнце!

Ну, а где охота — там и охотничьи рассказы. Обычно из уст самых бывалых. А самый бывалый кто? Конечно же, Мюнхгаузен, проживший полтора десятка лет у чёрта на куличках, в неведомой и полной опасностей России, где медведи и волки бродят по улицам, а слова, вылетая изо рта, замерзают кусочками льда. А какие там снега!..

«Действительно, снега там необыкновенные, — подтверждал барон, попыкая трубой, — однажды, помню, в метель привязал лошадь к какому-то колышку, а утром проснулся и понял, что наступила внезапная оттепель: снега нет ни клочка, а бедная лошадь висит на кресте колокольни, у порога которой лежу я сам... А ещё был случай с шомполом...».

Случай и вправду имел место в действительности: однажды во время парада